

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А.В. СУВОРОВА

К 275-летию со дня рождения великого русского полководца

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов;
С горстью россиян всё побеждать?

Г.Р. Державин

**Арсений
Замостьянов**

У каждого из нас на памяти — или в ежедневном её арсенале, или где-то в тёмных глубинах — есть первая встреча с Суворовым. Конечно, не с самим полководцем, а с его вечным образом. Мне довелось ещё дошкольником читать яркий, доступный и дидактический материал о великом Суворове, опубликованный в журнале «Весёлые картинки». С иллюстраций на читателей-детей смотрел подвижный старый генерал с горящими глазами, активно руководящий своими солдатами. Солдаты строили ров, укрепляли учебную насыпь. Старательно готовили «репетицию» штурма Измаила. Подтекст поучительного рассказа был очевиден: прописная истина «тяжело в учении — легко в бою» получала подтверждение в историческом контексте. Бахвальство турецкого паша было посрамлено, напрасно он кичился: «Раньше волосы прорастут на этой ладони и солнце упадёт на землю, чем русские возьмут Измаил». Русского солдата звали на штурм слова Суворова, вдохновляла смелость старого генерала, первым бросавшегося под обстрел, на штурм высоких стен. Воспитание словом и личным примером сливалось в единый образ. И — торжество просвещённого взгляда на войну, торжество суворовской предусмотрительности: выученные на тренировочных стенах и рвах, русские солдаты опрокидывают турецкие укрепления... После прочтения этого иллюстрированного рассказа хотелось и в своих учителях видеть Суворовых. Хотелось подражать этому мудрому и энергичному полководцу. Так образ Суворова с первого знакомства связывался с пафосом учёбы, образования.

Для первого знакомства с Суворовым статья вполне подходила: история «русского архистратига Михаила» за два века бытования в исторической памяти и фольклоре приобрела такое сильное обаяние, что способна сделать занимательным любое нравоведение. Столь точное попадание в народное представление об идеальном герое — явление редчайшее. И потому Суворов стал для нас не менее родным человеком, чем былинные и сказочные персонажи: Илья Муромец или Иван-царевич, Емеля или богатырь Святогор.

Александр Васильевич Суворов (1730—1800) — великий сын России, один из коргорты гениев, олицетворивших талант своего народа, его своеобразие и славу. Деятели такого масштаба в любой культуре немного, а их роль в формировании национального характера можно смело назвать решающей. Школьному учителю необходим опыт великих воспитателей из смежных профессий, подчас очень далёких от учительской. Так, режиссёрская система К.С. Станиславского, гуманная дрессировка В.Л. Дурова и суворовская наука побеждать — всё это не просто пригодно для современного педагога; великий опыт знатоков психологии, новаторов — это наше богатство. Игнорировать такое

наследие — значит обкрадывать и себя, и своих учеников, обеднять собственный арсенал. Разумеется, воспитательная система Суворова была чётко ориентирована на армейскую практику. Но Суворов не в декларациях, а на деле требовал от офицеров широкой эрудиции, а от солдат — смекалки. В условиях XVIII века это означало культ просвещения и самообразования, который Суворов насаждал в армии. Связь общего образования с практикой, с профессиональным ростом нынче является объектом споров — и мы можем почерпнуть немало аргументов в суворовских материалах, благо и эпистолярное наследие полководца, и его биография нашли в XX веке преданных и квалифицированных исследователей¹.

Педагогическое наследие А.В. Суворова стало идейной основой отечественной армии и военно-учебных заведений. Наследие полководца изучали ученики — его младшие боевые товарищи. И поныне Суворов остаётся лицом российской армии, олицетворяя героические традиции, а также стратегический ум. Это осознают не только в России. Зарубежные авторы традиционно преуменьшают военные заслуги Суворова (к этому сам полководец привык при жизни, отмечая, что «наёмные историки» в своих кривых зеркалах представляют русских пигмеями), но и они отмечают, что «его стратегия оставалась образцом для русской армии во время Второй мировой войны и в период холодной войны. Суворов не только был создателем тактики будущего для русской армии, но и образцом, которому подражали его последователи» (*Лэннинг М. Ли. Сто великих полководцев. М.: Вече, 1998*).

И верно, образ Суворова стал для нашей армии лучшим воспитательным примером. Популярность книг о полководце, кинофильма «Суворов» (вышел на экраны в 1940 году), суворовских плакатов в Красной Армии и брошюр, адресованных командирам Красной Армии, говорит сама за себя. Не случайно и появление суворовских училищ, созданных по образцу кадетских корпусов старой России, но с более явным акцентом на суворовское наследие (до революции имя Суворова носил один из кадетских корпусов — Варшавский). Образ великого полководца стал символом военно-учебных заведений СССР. Известно, что по первоначальной идее тогда, в 1943 году, военным училищам было присвоено имя Сталина — тогдашнего верховного главнокомандующего. Но И.В. Сталин лично вычеркнул из текста собственную фамилию и дал училищам имя *суворовских*. История суворовских училищ — это, безусловно, важный этап в развитии идей полководца. Ученики — ребята школьного возраста — изучали биографию А.В. Суворова. А суворовские афоризмы — заветы молодым солдатам — накрепко врезались в память с первых шагов в училищах. За каждым срезом жизни училищ мы видим грандиозную фигуру Суворова. Строгий распорядок дня, физические упражне-

ния, гигиена — всё подкреплено авторитетом великого полководца. Суворов помогает в решении самых злободневных задач. Недаром замечательный биограф Суворова Петрушевский приметил:

«Суворов был гигиенист». Известно презрительное отношение полководца к «богадельне», к «гошпиталям». Он, прежде всего, стремился сберечь солдатское здоровье, насаждая правила гигиены, разрабатывая стандарты здорового образа жизни. По приказам полководца можно судить, с какой обстоятельностью «граф двух империй» относился к вопросам санитарии: «Соблюдать крайнюю чистоту; потному не садиться за кашу, не ложиться отдыхать, и прежде разгуляться и просохнуть... Непрестанное движение на воздухе». Подобных рекомендаций в суворовском наследии — не счесть. Ответственное отношение к здоровью помогло этому болезненному от природы человеку до последних дней семидесятилетней жизни сохранять физическую и интеллектуальную активность, побеждать на поле боя. В рассуждениях Суворова о воспитании солдат мы не встретим благих пожеланий и общих мест. Суворов писал только о практически необходимых вещах, писал, не смущаясь обращаться к мелочам, из которых и складывается наука побеждать. Помогал опыт полководца — армейская биография, не имеющая себе равных.

Уже в «Полковом учреждении» (этот памятник военно-педагогической мысли известен также под названием «Суздальское учреждение») проявилось суворовское понимание воспитательной проблематики армейской жизни. Суздальский пехотный полк стоял в одном из исторических мест России — в Новой Ладого. Не забывая об обучении солдат и офицеров, Суворов обращает внимание и на образование их детей, живших при полку. Полковник Суворов лично принимает участие в строительстве здания

¹ См.: *Суворов А.В. Письма / Комментарии и сопроводительная статья В.С. Лопатина. М.: Наука, 1987; Суворов А.В. Документы / Под ред. Г.П. Мещерякова. М., 1949–1953. Т. 1–4. Капитальный сборник исследований теоретического (в том числе и педагогического) наследия А.В. Суворова был выпущен в 2001 году Военным университетом. Не числом, а умением / Под ред. А.Е. Савинкина. М., 2001.*

школы и Петропавловской церкви. Совместная работа на строительстве спланированного полка, превращала солдат и офицеров в единый коллектив. Вместе они рубили лес, обрабатывали брёвна, вместе строили и храм Божий, и храм знаний. Суворов со свойственной ему энергией принимается учительствовать в новенькой школе, он преподаёт детишкам основы арифметики, даже делает наброски учебника, составляет краткий катехизис и молитвослов. В годы командования Суздальским полком Суворов одновременно руководил воспитанием и взрослых, и детей. По собственному эмоциональному выражению, изничтожал в них праздность, приучая к систематическому труду — интеллектуальному и физическому.

Для суздальцев написал Суворов и своё «учреждение». В первых же строках теоретического опуса он нащупывает дидактическую тему, которая имеет важнейшее значение не только в армейской практике: «Понеже праздность корень всему злу, особливо военному человеку, напротив того, постоянное трудолюбие ведёт каждого к знанию его должности в её совершенстве, ничто же так не приводит в исправность солдата, как его искусство в экзерциции, в чём ему для побеждения неприятеля необходимая нужда». Ясное дело, для каждого поприща — своя экзерциция. Величайший ум XVIII столетия, посвятив свои силы военному искусству, оставил нам уроки, пригодные для различных жизненных ситуаций.

Суздальцы стали первой самобытной лабораторией суворовской системы. Он всю жизнь помнил про школу и церковь в Новой Ладоге, про занятия с мальчишками и солдатами. Суворову нередко приходилось принимать командование над новой армией — и немедленно приступать к действиям. Суздальская школа помогала из незнакомых офицеров и солдат быстро создавать сплочённый коллектив. Помогало и то, что суворовская слава бежала впереди своего героя.

Суворову претила механистичность военных теорий. Именно презрение к схо-

ластике ощущается в знаменитых суворовских парадоксах, выражавших кредо героя: «Я выше правил, методика подо мной». Разумеется, здесь имеются в виду правила ущербные, сковывающие талант полководца и воспитателя. Суворов выработал новые правила и выразил их в эффектной форме воинского катехизиса и в письмах. Эти правила отразились и в фольклорных сюжетах, появление которых он нередко сознательно провоцировал. Русский полководец с одному ему присущей быстротой порыва поставил в эпицентр своей «науки побеждать» человека — солдата и офицера. Именно поэтому *воспитание* воинства было для Суворова, пожалуй, даже важнее тактических задумок. Человек как субъект боя и объект воспитания стал основной темой суворовского метода. Удивительно точно сказал об этом Денис Васильевич Давыдов — один из подлинных учеников Суворова: «Он положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение». В этих словах — метафора стремлений едва ли не каждого педагога. И Суворов не знал равных в искусстве воспитания волевой личности. Денис Давыдов был одним из многих русских людей (среди них можно назвать и людей военных, и деятелей культуры), которые, попав под обаяние суворовского феномена, стали его истинными последователями. Встреча юного Дениса Давыдова с Суворовым была мимолётной, но партизан-поэт вспоминал о ней всю жизнь. Суворовское благословение вдохновило Давыдова; много лет спустя, в воспоминаниях, названных «Встреча с великим Суворовым (1793)», Давыдов обнаруживает, что образ полководца так и остался для него путеводным. С семи лет — и на всю жизнь. Отец Д.В. Давыдова командовал Полтавским легкоконным (гусарским) полком, и детство героя 1812 года проходило, по его словам, «под солдатскою палаткой». Воспоминания писал очень самолюбивый человек, уже бывалый солдат и литератор, познавший славу. Но мы всё равно чувствуем мальчишеское волнение, когда Денис Васильевич пишет о Суворове... Ведь любимец армии, о котором так восторженно говорили в семье Давыдовых, благословил мальчика, разглядев в нём искру Божью, и предрёк: «Я ещё не умру, а он уже выиграет три сражения!» Предсказание сбылось, но как гипербола: победы Давыдова начались после смерти Суворова.

Глазами Дениса Давыдова на Суворова восхищённо смотрели сотни и тысячи мальчишек, которые примут на себя удары 1812 года и по-суворовски будут бить самого в то время сильного врага. Они считали Суворова своим учителем — и не случайно В.А. Жуковский в своей поэтической композиции «Певец во стане русских воинов» (без этих стихов нельзя представить себе подвиг 1812 года) выводит образ отца-Суворова, вдохновляющего и благословляющего русскую армию на защиту Отчизны. Жуковский нисколько не преувеличил: Суворов действительно был отцом русской армии. И через много лет после физической смерти он оставался в родной армии, продолжая службу. Так Пушкин живёт в каждом русском художнике, а Ломоносов — в каждом учёном.

Денис Васильевич Давыдов — характерный продукт суворовской педагогики. Смелый, изобретательный командир на поле боя, вполне усвоивший суворовские премудрости, сформулированные в письме младшему Карачаю. Давыдову удаётся найти общий язык с простыми крестьянами, стать для них своим человеком — да ещё и в экстремальной ситуации. Суворовская школа! К тому же Денис Давыдов был любимцем суворовского любимца — генерала П.И. Багратиона. Да и другие соратники Суворова стали для героя 1812 года братьями по оружию. Денис Давыдов унаследовал и литературные способности своего учителя, даже превзошёл его на этом поприще. Суворов был усердным читателем и знатоком литературы, его письма и записки отличает оригинальный динамичный стиль. Писал самобытные, но не выдающиеся стихи. Давыдов же, без сомнения, был одним из лучших поэтов своего времени. А ведь то была эпоха А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского — золотой век русской поэзии. Суворову наверняка бы пришлось по вкусу элегия Д. Давыдова «Бородинское поле» (1829) — шедевр русской поэтической баталистики:

Умолкшие холмы, дол, некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековой славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!

Суворов, как никто другой, чувствовал этику и эстетику боя, он ждал таких стихов, радовался появлению ярких батальных сцен в одах Г.Р. Державина...

Влияние, которое Суворов оказал на Державина, афористически выражено в одном тезисе поэта: «Вот урок, вот что есть человек». Строки, вынесенные нами в эпиграф, Державин написал в память об умершем генералиссимусе. Эпитафия построена на контрастном описании великих деяний Суворова и примет его личной скромности, простоты. Воистину никто из героев, из «сильных мира сего», не умел с такой непосредственностью «ездить на кляче» и «грызть сухари». Уроки Суворова — своего военного командира и старшего товарища — Державин воспринял уже в зрелом возрасте и не считал для себя зазорным учиться у Суворова всю жизнь. И вот уже поэт начинает «истину царям с улыбкой говорить», и нагоняет страху на разнообразных чиновников тем, что «горяч и в правде чёрт». Ещё один — из лучших — ученик Суворова! Они-то и обеспечили Суворову вечное присутствие в отечественной культуре, от поколения к поколению.

Известно отношение Суворова к поэзии и музыке. Эти искусства то и дело помогали ему не только в часы досуга, но и в учении, и в бою. Суворов сказал: «Музыка удваивает, утраивает армию... С крестом священника, развёрнутыми знамёнами и громогласной музыкой взял я Измаил!» Как никто из современников, он понимал значение психологической подпитки воинства, особенно необходимой в экстремальной ситуации боя. Любил Суворов и песню — этот вечный устный учебник народной истории. Песня воспитывает в народе патриотическое чувство, приучая к мелодизму родного языка. Песня —

самое органичное состояние языка, а для солдат, подолгу находящихся на чужбине, именно в ней кроется образ Родины, за которую они идут на смерть. И в то же время Суворов живо интересовался обычаями и нравами Польши, Финляндии, Турции, Швейцарии — тех стран, где ему приходилось воевать. Стремился изучать традиции соседних народов, учил языки. Известно, что Суворов бегло изъяснялся и на польском, и на турецком, требовал и от солдат знания определённых выражений из словаря неприятеля. Разумеется, они не становились знатоками турецкого или французского языка, но изучение чужеродных слов развивало смекалку, тренировало память. В то же время знание основ иностранных языков помогало солдатам в походе, в разведке... Это и требовалось Суворову.

Воспитательная техника Суворова сперва поражает эксцентричностью приёмов. Ясно, что полководец, заслуживший прозвание «замечательного чудака и оригинала», стремился в первую очередь удивить, привлечь внимание, вызвать интерес солдата к яркой персоне генерала-воспитателя. И здесь Суворову помогает глубокое знание русского фольклора (нехарактерное для столичной знати XVIII века) и «крестьянского православия», от которого аристократия времён «женской империи» была уже далека. Прав был эмигрантский суворовед Б. Штейфон: «Военно-воспитательная система Суворова, давшая столь удивительные по своим практическим последствиям результаты, прежде всего была осмыслена самовоспитанием творца этой системы. Основной чертой духовного облика Суворова была его вера в Бога. Простая, ясная вера, какой всегда был силён русский народ». Эта мысль развивает державинское представление о Суворове. Великому полководцу с одинаковой органичностью удавалось быть и просвещённым русским европейцем, искущённым в современной культуре и политике, и персонажем русской сказки, лубка, близким каждому крестьянину. Наверное, помог природный артистизм:

Суворов жить не мог без перевоплощений и аллегорий и очень тонко чувствовал стиливые материи. Вот он пишет Г.А. Потёмкину, не без кокетства жалуясь на горькую судьбину. Но есть в этих словах и скрытая гордость: ведь служба в «нижних чинах» позволила полководцу познать армию «от и до». Суворов прекрасно понимал, что этот багаж даёт ему преимущество над другими генералами, не исключая и всемогущего Потёмкина. Он жалуется, но одновременно и ставит на место не столь посвящённого в армейские реалии фельдмаршала... Язык аллегории, ясный и понятный крестьянам, воспитанным в пространстве фольклора, иногда ставил в тупик лошдёных адресатов суворовских писем: «Служу я, милостивый государь, больше 40 лет и почти шестидесятилетний. Одно мое желание, чтоб кончить высочайшую службу с оружием в руках. Долговременное мое бытие в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей; препроводя мою жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать. Наука просветила меня в добродетели; я лгу, как Эпаминонд, бегаю, как Цесарь, постоянен, как Тюренн и праводушен, как Аристид. Не разумея изгибов лести и ласкательств к моим сверстникам, часто неугоден. Не изменил я моего слова ни одному из неприятелей, был счастлив потому, что я повелевал счастьем... Исторгните меня из праздности... токмо что в роскоши жить не могу. В чужие край... тоже праздность» (Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 100, 101). Как умело зашифрованы самые откровенные признания! Начнём с того, что и Суворов, и его адресат прекрасно знали, что фиванский герой Эпаминонд славился правдивостью. Но Александр Васильевич считает, что такой вот косвенный намёк на собственную честность здесь уместнее. Ведь нужно заставить читателя задуматься, засомневаться, подключить внимание и воображение... Как лектор, который специально запинается в самой кульминации монолога и ищет глазами помощи в зале — чтобы

не спали, чтобы мыслили вместе. Суворовский стиль провоцирует работу мысли в собеседнике. Несмотря на аристократическое происхождение (Суворовы — старинный дворянский род, а отец полковника, закончивший службу при Екатерине в чине генерал-аншефа, в юности был приближён Петром Великим), Александр Васильевич начал службу с нижних чинов и стал настоящим солдатским генералом, пришедшим в элиту из народной гущи. Карьера Суворова могла развиваться куда стремительней, но из-за цепочки недоразумений великий полководец получил чин полковника в то время, когда его ровесники уже ходили в генералах. Не было бы счастья, да несчастье помогло — Суворов изучил свой народ. И сумел применить накопленные знания на практике и в теории.

Кредо Суворова-воспитателя лаконично сформулировано в письме к Карачаю — крестнику великого полководца и сыну его боевого товарища, венгерского генерала: «Достоинства военные суть: отвага для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала, но оные должны быть руководимы порядком и дисциплиной, управляемы неусыпностью и прозорливостью. Будь чистосердечен с друзьями, умерен в своих нуждах и бескорыстен в поведении. Являя искреннюю ревность к службе своему Государю, люби истинную славу, отличай любочестие от надменности и гордости, приучайся сызмальства прощать погрешности других и никогда не прощай их самому себе. Обучай тщательно своих подчинённых и во всём подавай им пример. Упражняй непрестанно глаз свой — только так станешь великим полководцем. Умей пользоваться положением места. Будь терпелив в трудах военных, не унывай от неудач. Умей предупредить случайные обстоятельства быстротой. Различай предметы истинные, сомнительные и ложные. Остерегайся безвременной запальчивости. Храни в памяти имена великих мужей и подражай им с благоразумием в своих военных действиях. Неприятеля не презирай, каков бы он ни был. Старайся знать его оружие и способ, как оным действует и сражается; знай, в чем он силен и в чём слаб. Приучай себя к деятельности неутомимой, повелевай счастьем: один миг иногда доставляет победу. Счастье покоряй себе быстротою Цезаря, кой и среди бела дня умел своих неприятелей уловлять и окружать и нападал на них когда и где хотел. Не упускай пресекать неприятелям жизненные припасы, а своему войску учишь всегда доставлять пропитания вдоволь. Да возвысит тебя Господь до геройских подвигов знаменитого Карачая!»

Эти суворовские заветы издавна изучались в кадетских корпусах Российской империи, а позже — и в советских суворовских училищах. Они и поныне остаются девизом российской армии, основой воспитательной системы военно-учебных заведений. Вряд ли возможно выразить суть воинской доблести с большим лаконизмом. Помимо прочего, это письмо показывает, сколь убедителен был Суворов в дидактике, в нравоучениях. Мы видим, что, помимо стоической силы воли и умения вложить

все силы в генеральный порыв, Суворову было свойственно аналитическое отношение к жизни. Он учит предусмотрительности и осторожности (эти качества Суворова тонко прочувствует Пушкин в работе над «Историей Пугачёва»). А ежедневные тренировки, постоянный самоконтроль — это ключ к «повелеванию счастьем». Суворов учит держать собственную судьбу на поводке, побеждая искушения. Прозорлив был Державин, сказавший о суворовском умении: «как внешних супостат, так внутренних сражать». Суворову удалось перенести свой опыт православному прихожанину, спасающегося от грехов, в военно-педагогический обиход. Он истово борется с пороками, первым из которых считает «немогузнайство». В этом ёмком понятии Суворов объединил все ненавистные ему человеческие слабости. Лениность, ненаходчивость, нежелание работать над собой. Немогузнайки — захребетники, пассивные разини, от которых, по Суворову, «много вреда». С суворовских времён в армии осталось презрение к капитулянтскому ответу: «Не могу знать». Суворов приветствовал творческие, находчивые, остроумные ответы на самый фантастический вопрос, вроде знаменитого «Далеко ли до луны?». А ведь это ситуация из рутинной школьной практики. Учителя нередко требуют трафаретного, штампованного ответа, убивая фантазию, сводя на нет весёлую заинтересованность наукой. Увы, суворовский архетип, казавшийся эксцентричным в XVIII веке, и сегодня воспринимается как отклонение от нормы. Норма по-прежнему напоминает траченный молью прусский стандарт бездумной муштры. Справедливо считается, что Суворов прочувствовал несоответствие русского народного характера педантической прусской системе. Генерал М.А. Драгомиров — выдающийся пропагандист суворовской системы XIX века — писал: «Суворов, как великий психолог и знаток русского характера, заставлял работать усиленно, требовал однообразия, как никто, но в сём последнем до педантических мелочей никогда не доходил и нарочитым изобретением таковых не услаждался. Одним словом, он задался задачей: как новобранца специализировать в солдата, не ломая в нём человека и не обращая в автомат?»

Жемчужина суворовского литературного наследия — это, конечно, «Наука побеждать». План тактико-строевого учения войск, представленный Суворовым, выражен энергичным, полным динамизма языком. Языком, который вполне выражает характер автора, его неповторимую индивидуальность. Сама история этого памятника военной дидактики поучительна. Широко известное название «Наука побеждать», столь точно отразившее суворовский стиль, направление всей суворовской системы, было вброшено «в народ» после смерти полководца, когда суворовское наследие обобщали издатели и исследователи. Через шесть лет после смерти А.В. Суворова, когда Европу разрывали наполеоновские войны, подвижник сувороведения М. Антоновский опубликовал «Науку побеждать» как актуальнейшее наставление всей России.

В двух частях «Науки побеждать» — «Вахт-параде» (более раннее название «Учение разводное») и «Разговоре с солдатами их языком» — Суворов методично и подробно описывает технику боя, используя старинный военно-учебный принцип «делай, как я». Вот Суворов прописывает сценарий действий солдата: «Для пальбы стреляй сильно в мишень. На человека пуль двадцать; купи свинцу из экономии, немного стоит. Мы стреляем цельно; у нас пропадает тридцатая пуля, а в полевой и полковой артиллерии разве меньше десяти того заряда...» Это говорит человек, досконально изучивший, почём фунт лиха в солдатской жизни. Суворовские «руководства к действию» помогли многим в тогдашней армии. Как помогли и громогласные похвалы непобедимого генерала, щедрого на награды истинным героям. Он завершает «Три воинские искусства» вдохновенной здравицей, которая поднимала боевой дух не хуже доброй чарки: «Чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа. Слава, слава, слава!» Сотни тысяч солдат, офицеров и унтер-офицеров российской армии нескольких поколений знали суворовский «Разговор с солдатами» наизусть. Советы Суворова были подлинной наукой побеждать, выручавшей на поле боя, спасавшей от гибели.

Собственно говоря, вся вторая часть «Науки побеждать» предназначалась для регулярного чтения вслух перед солдатской аудиторией. Таким образом, правила усваивались способом «прямого внушения», постепенно становясь первейшим привычным сведением солдата. Суворов ставил перед собой цель выработать в солдатах привычку к прослушиванию рекомендаций «Науки побеждать» — по аналогии с церковной практикой. О православной сущности суворовского стиля мы уже говорили: в любом, даже самом беглом, исследовании суворовского наследия невозможно избежать этой темы. Глядя на прошлое с «академической дистанции», мы нередко идеализируем наших предков, приписывая всем деятелям дореволюционной отечественной культуры

глубокую приверженность к православию. Это, конечно, поверхностный и обманчивый взгляд. Духовная жизнь сложна во все времена. Спускаться вниз, сбегая по лестнице пороков своего века, куда легче, чем подниматься к идеалам... Но Суворов со своим высоким юродством (как и Ф.Ф. Ушаков) был исключительной личностью. Солдаты приписывали Суворову самые необычные подвиги, и он осознанно поддерживал эту легенду; хлебнув пунша, появлялся на поле боя в самых «горячих точках». Это удивительное суворовское умение — творить легенду о самом себе исключительно для пользы дела. Суворов был сам себе пропагандистом, он прекрасно освоил технологию влияния на умы. Почтительные анекдоты вставляли лыком в строку его метода. Но в то же время солдаты видели благонравие Суворова — и склоняли голову перед духовным авторитетом полководца. В народных песнях нередки образы бессердечных генералов, злонравных аристократов. О Суворове пели торжественно и благодарно:

С предводителем таким
Воевать всегда хотим.

Старые кавалеры, ветераны многих кампаний, возвратившись в родные деревни после четвертьвековой солдатской службы, рассказывали детворе о походах, рассказывали о Суворове. К правде примешивалась сказочная фантастика. Истории, пересказанные по цепочке, от участника к первому слушателю, от первого слушателя — ко вторым и третьим, становились фольклором. Крепкий монумент установили своему учителю солдаты. Установили в народной памяти.

Барабанная дробь XVIII столетия остаётся контекстом суворовского гения. Молодая Россия нуждалась в исполинах, в личностях, готовых перевернуть представление о своей профессии — и такие люди пришли, до сих пор их образы осеняют нас. XVIII век подарил Европе спасительную иллюзию (или не иллюзию вовсе, но универсальный инструмент?) — Просвещение, представленное трудами и днями

политиков, философов, писателей. Вера в просвещение, в силу науки, системного знания наполняет особым смыслом эмоциональные, динамичные суворовские восклицания, предназначенные слушателям-солдатам: «Ученье свет, неученье тьма. Дело мастера боится, и крестьянин не умеет сохой владеть: хлеб не родится. За учёного трёх неучёных дают. Нам мало трёх, давай нам шесть. Нам мало шести, давай нам десять на одного. Всех побьём, повалим, в полон возьмём. Последнюю кампанию неприятель потерял счётных семьдесят пять тысяч, только что не сто. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот братцы! Воинское обучение! Господа офицеры! Какой восторг!» Причинно-следственная связь ясна и понятна: от учения — к победам. Тяжело в учении — легко в походе, легко в бою — так говорил Суворов. Эти слова у нас помнит каждый. Они не только вошли в русскую речь, но и стали девизом отечественного просвещения. Афористичность языка была для него ещё одним средством для достижения педагогической цели. Это очень сильное средство, если у педагога есть авторитет и развито чувство языка. В Суворове это чувство языка рождает мастеровитого, талантливого писателя. Но главное здесь всё-таки — преданность идее, умение упрямо следовать к намеченной цели. Если эта цель — воспитание солдата, то Суворов из полководца превращается в педагога.

Итак, эпоха Просвещения... Время, когда человечество с восхищением осознавало силу технического прогресса, универсальность рационального познания мира. Суворов был исправным читателем отечественной и европейской прессы, интересовался и книжными новинками, был в курсе научных открытий века. Века Ломоносова и Вольтера, Франклина и Дидро... Но вместе с верой в науку приходили сомнения в «Божьем величье» (автор этого словосочетания, М.В. Ломоносов, сомнения поборо), в духовном фундаменте цивилизации, который уже казался обветшалым, устаревшим. Суворов чудом, именно чудом избежал этого внутреннего конфликта. Принимая новейшие знания, он чувствовал иерархию бытия и не смешивал высшее с бытовым. С детства Суворов пропустил через сердце жизнь церкви — и всю жизнь оставался по-крестьянски православным человеком. Оставшиеся в общеизвестных исторических анекдотах сведения о строгом суворовском соблюдении постов было диковинкой для элиты того времени, потому и осталось в фольклоре так прочно «до первой звезды». Суворову удавалось удивительно гармонично сочетать религиозное чувство и уважение к науке, к прогрессу. Он, в отличие от иных современников, не впадал ни в материализм, ни в ханжество. Как трудно выдержать подобный — достойный — тон, знает каждый учитель и лектор. Наверное, здесь важно не побояться вложить весь свой авторитет в самые уязвимые, резонёрские, но необходимые для нас положения. Искренность Суворова с воодушевлением воспринимали те, кто видел, что каждое слово полководца множено на его судьбу, на подвиг всей жизни героя. Несмотря на чины, титулы и возраст, полководец то и дело подаёт войску

личный пример, показывая, как нужно тянуть солдатскую лямку... Первый в учении и в бою, он был первым и в сердцах своих подопечных. Это позволяло Суворову «управлять течением мыслей», поддерживать в солдатах боевой дух, психологию победителей, для которых нет неприступных крепостей. О своих учениках, воспитанных трудами и талантом Суворова, он с гордостью говорил: «чудо-богатыри, везде пройдут». Верил, что научил их превозмогать трудности, пересиливать себя, словом, побеждать.

Век Просвещения в лице выдающихся администраторов — Петра Великого, Фридриха Великого — превратил мистерию экзамена в государствообразующий процесс. Экзамен должен был стать основой чётко структурированного общества, напоминающего своими порядками военизированный университет. Продвижение вверх по лестнице табеля о рангах следовало обусловить успехами в образовании и практике. Конечно, чаемый порядок установить не удалось. Идеальное «телемское аббатство» или вольтеровское «Эльдорадо» XVIII века так и осталось тем, чем должно было остаться, — утопией. Но Суворов — один из самых верных приверженцев петровской идеи — относился к себе и своим способностям весьма взыскательно. И, следуя заветам Петра, устраивал себе экзамены... Современного читателя поражает, что Суворов, уже будучи высокопоставленным генералом, сдаёт экзамены на звание мичмана российского флота, изучает морское дело...

Это — хрестоматийный, яркий пример, но были в жизни Суворова и многочисленные скрытые экзамены, каждый из которых расширял горизонты полководческой эрудиции. Суворов — пример великого человека и педагога, который не ставил точку в своём образовании, умел учиться, был открыт для новых знаний и свершений. Показательно и то, что мичманский экзамен не был прихотью чудака-полководца: в ведение Суворова попали военноморские силы, и он считал необходимым повысить свою компетентность в этой области. То есть побочный интерес у Суворова снова был подчинён генеральной цели — самореализации как полководца. То же самое можно сказать и о суворовском интересе к литературе и языкам. Всё шло в генеральскую копилку. Суворов умел быть рачительным хозяином собственного дарования, собственной судьбы. Он неустанно устраивал экзамены своим офицерам и солдатам. Важнейшими испытаниями были для учеников Суворова знаменитые парадоксальные диалоги, которые полководец устраивал на военных советах даже в критические часы кампаний. Он развивал в учениках самобытность, личностную «упрямку» — и они выросли в очень разных по темпераменту и мировоззрению полководцев. Он не адаптировал учеников под собственный темперамент — никто из них не стал уценённой копией Суворова, каждый реализовался на свой лад. Все они были очень разными людьми — по происхождению и талантам. Кутузов, Багратион, Милорадович, Платов, Дерфельден — невозможно определить стандарт суворовского ученика. Очевидно, что многое их объединяет — прежде всего, преданность России, умение «до донышка» потратить все силы для победы, умение удивлять

противника неожиданными, дерзкими ходами. И каждый из них, под руководством Суворова, пришёл к своему стилю в жизни и профессии, каждый нашёл себя.

Таким и остался Суворов в истории — дитя Просвещения и православного благочестия, прагматичный и взрывной, искренний и хитроумный. Самый крепкий металл слит из противоречивых материй... Он и сам понимал природу героического начала в человеке: «смел без запальчивости, быстр без опрометчивости, деятелен без суетности, подчиняется без унижения, начальник без высокомерия... ласков без коварства, твёрд без упрямства... услужлив без корыстолюбия; решителен, убегает неизвестности» — это из письма Суворова П.Н. Скрипицыну, ещё одно наставление ученику, каким должен быть солдат и гражданин Отечества. Максималистское «без» означает, что Суворов ощущал в себе борения смелости и запальчивости и далее — по тексту.

«Первый ученик» в заочном петровском университете, как и М.В. Ломоносов (только более зримо), Суворов был крестником великого императора. Масштабом личности он соответствовал петровским замыслам, его «размаха шагам саженью». Для таких исполинов и была скроена Петром Российская империя. Для будущих основателей оригинальных русских школ в важнейших областях культуры — М.В. Ломоносова, А.В. Суворова, А.С. Пушкина. Каждый из них мог бы подписаться под словами Суворова: «Учёные мужи своим бессмертием больше, чем кто-либо, уподобляются богам: это они увлекают нас к вершинам добродетели. Их гений указывает нам, сколь сладостно посвятить жизнь общественному благу. Они наставляют нас, не пещись о собственной нашей персоне, презирать превратности фортуны и жертвовать собой для блага Отечества и человечества». Нам предстоит учиться у этих людей век за веком. И это счастливая участь.

Москва